

лось, и произведение это всегда рассматривалось как простое подражание «Слову о полку Игореве».¹

Впервые «вопрос о своеобразной исторической концепции этого замечательного произведения» был с наибольшей полнотой поставлен Д. С. Лихачевым в двух близких по содержанию статьях: только что названной и другой — «Возрождение исторических традиций и победа на Куликовом поле», представляющей одну из глав его книги «Национальное самосознание древней Руси».² В обеих этих статьях автор связывает «своеобразную историческую концепцию» «Задонщины» с «движением исторической мысли того времени», прежде всего — с «историческими схемами московского летописания конца XIV—начала XV века».³

Уже в XIV—начале XV века, в тяжелых условиях татарского ига, передовые, лучшие русские люди того времени думали о судьбах своей родины, о ее освобождении, о ее былом могуществе и славе, и мысль их упорно устремлялась в прошлое, к тому далекому времени, когда Русь была единой и независимой, когда она была свободной. Это не было уходом от действительной жизни, от современности, наоборот: обращение к прошлому, к временам могущества и независимости родины, к произведениям, где эта идея единства и независимости, мощи Русской земли звучала особенно громко, — усиливало стремление к борьбе за свободу и укрепляло волю к победе над поработителями. «Обращение к старине носило, таким образом, в конце XIV—начале XV века глубоко прогрессивный характер».⁴

Работа московских летописцев конца XIV—начала XV века приобретает крупное государственное значение, так как, осуществляя «политику собирания Русской земли в единое государственное целое, Москва нуждалась в идеологическом обосновании своих действий, в реальном возрождении исконной летописной идеи о единстве Русской земли».⁵ В такой исторической обстановке усиленное внимание стала привлекать к себе Повесть временных лет, — она читалась и переписывалась, причем изображенные в ней события далекого прошлого переосмыслились и «применялись в определенном смысле к событиям современности»; ее призывы к борьбе с половцами «воспринимались как призывы к борьбе с татарами», и «летописец не без умысла менял эти названия, сопоставляя тех и других как общих врагов русской независимости».⁶

Можно сказать, что «вся русская культура конца XIV—начала XV века пронизана духом любви к славному прошлому своей родины», и не одни русские книжники того времени были увлечены темами русской истории: «к прошлому Руси обращаются и русская живопись и русская архитектура».⁷ «Это обращение во всех областях культурной жизни Руси конца XIV—начала XV в. ко временам независимости вызвало к жизни оригинальную историческую теорию, символически противопоставившую начало и конец татаро-монгольского ига. Читая и перечитывая Слово о полку Игореве, как перечитывались в конце XIV в. Повесть временных лет, Киево-Печерский патерик, „Сказания о рязанском разорении“... древнерусский книжник усмотрел в событиях Слова начало татаро-мон-

¹ Д. С. Лихачев. Задонщина, стр. 87.

² Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 68—81.

³ Д. С. Лихачев. Задонщина, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, стр. 70.

⁶ Там же, стр. 71.

⁷ Там же, стр. 70.